

Всегда ли стремление вверх — карьеризм? И каждого ли, кто стремится вверх — будь то назначение по службе, выдающийся успех, известность в любой профессиональной сфере, — можно назвать карьеристом? Эти вопросы мы сделали темой беседы с известным советским драматургом Алексеем Николаевичем Арбузовым. Почему именно с ним, автором «Тани», «Дальней дороги», «Иркутской истории» — пьес о хороших людях? Да потому, что его перу принадлежат и такие пьесы, как «Годы странствий», «Счастливые дни несчастного человека», «Мой бедный Марат», «Выбор», главная тема которых — схватка человека с самим собой...

Для начала беседы вместо традиционного вопроса я рассказал Арбузову такую вот житейскую историю.

Жил на свете человек, который поставил перед собой задачу — стать заместителем начальника отдела, ибо эта должность вводила его на стартовую площадку для дальнейшего

карьерного. Все было предусмотрено до мельчайших деталей, путем сложных расчетов сооружен график продвижения. Пришлось идти на жертвы: ездить на рыбалку с «нужным человеком», ходить с ним по грибы, даже петь на два голоса. А в последнюю минуту все сорвалось — поезд, искусно пущенный по строгому расписанию, вдруг сошел с рельсов: того повысили, этого понизили, еще одного уволили, а зам. начальника взяли со стороны...

Мой собеседник улыбается: история ему хорошо знакома, ведь я пересказал то, что произошло с героем его последней пьесы «Мое загляденье». Беседа завязывается сама собой.

— Что ж, случай достаточно курьезный, нет-нет да и встречающийся еще в нашей жизни: кого-то подсадишь, кому-то помешать, с кем-то сблизиться ради того, чтобы сделать карьеру. Слово шахматный гроссмейстер, рассчитывающий ситуацию на много ходов вперед, человек чуть ли не математически вычисляет формулу успеха, вкладывает в шаткое здание будущей карьеры весь свой талант, умение сопоставлять факты, анализировать. Все человеческие силы сосредоточиваются в одном стремлении — продвинуться по служебной лестнице, стать выше (с его точки зрения), лучше. Благородно? Да, если выше и лучше самого себя. Но этот ли случай здесь?

Когда-то я поставил эпиграфом к «Тане» строфу из сонета Микеланджело: «Так и я явился сначала скромной моделью себя самого для того, чтобы родиться снова более со-

вершенным творением». Надо ли стремиться к этому? Необходимо.

Пути вверх различны. Одно и то же понятие — «сделать карьеру» — может быть и благородно, и низко. Оно благородно, если путь на вершину честен, красив, если человеком движут не мелочные, корыстные цели, хотя человек; достигший высоты честным путем, вряд ли согласится назвать себя карьеристом. Дело в том, что жизнь давно и надолго сделала само понятие «карьеризм» одним из самых нарицательных, а вот слова для обозначения карьеры благородной и честной пока не нашла. Но ведь в конце концов мы ведем речь не о словах, а о тех понятиях, что за ними стоят.

По-моему, стремление вверх — качество, совершенно необходимое

метно кому-то ножка, а честный бой за свою «высоту». У каждого человека должна быть своя высота, свои 2,28 — своя планка, поднятая над головой.

Я знал одного человека, молодого, талантливого, настолько обаянного научным честолюбием, желанием творить, стремлением подняться выше, что ради этого он предал товарища, причем сделал это мелко, некрасиво, сохраняя при этом позу доброжелателя. Позднее я наделил этими чертами героя моей пьесы «Счастливые дни несчастного человека» молодого ученого Крестовникова. Наверное, подобные ему люди придумали нехитрую формулу: «цель оправдывает средства». Ведь именно это кредо оставляет своего рода «запасной выход»; а фанатич-

в подмогу опытных специалистов — ведь так работа пойдет быстрее, да и славу у него никто не собирается отнимать. Но он непоколебим, его кредо: я всего хочу добиться сам, я хочу успеха у самого себя, а это значит — все должно осуществляться только мною. В результате страдает и дело, которому он фанатически предан, и люди, для которых это ценное лекарство — вопрос жизни и смерти. Вот так за, казалось бы, красивой фразой прячется всеобщее обыкновенный эгоизм.

Знаком мне по жизни и другой вариант — «тихой карьеры». Вот Леонид из «Моего бедного Марата». Грезил поэзией, мечтал стать поэтом и стал им. Выходят его книги, пусть малым тиражом, пусть их не спрашивают в библиотеке.

ДИСКУССИОННЫЙ ЗАЛ

НАЙТИ СВОЮ ВЫСОТУ

У нас в гостях — драматург Алексей Арбузов

каждому человеку, внутренний стимул роста, превращающий скромную модель в «более совершенное творение». Важно только, каким путем хочет человек достигнуть этого — честным трудом, талантом, напряжением всех своих сил или же за счет умения расталкивать локтями других.

— Алексей Николаевич, в энциклопедии сказано, что слово «карьерера» в переводе с французского означает: «бег, профессия, поприще...»

— Сказано точно. Если увязать эти понятия, то в известном смысле можно сказать, что карьера — это быстрое продвижение (бег) к вершинам профессии или на выбранном поприще. А если прибегнуть к спортивной терминологии, то я бы добавил: барьерный бег, бег с препятствиями. Каждый шаг — новый барьер. Как его взять — в высоком, красивом прыжке или обойти незаметно, а может быть, свалив соперника, подставив ножку тому, кто тоже занес ногу в прыжке? Уж коли энциклопедия «нацеливает» на такое спортивное толкование карьеризма, вспомним знакомого всем Валерия Брумеля. Он все время стремился выше и выше, преодолевая не только трудную планку — преодолевая самого себя, и взял наконец 2,28. Вот это и есть истинное стремление вверх в прямом и в переносном смысле, желание опередить других, добиться высшего достижения за счет мобилизации всех своих ресурсов.

Да, я за карьеру, если это не просто ловкость, помноженная на рационализм, не подставленная неза-

ная вера в эту «разумную» истину вырабатывает, увы, иммунитет к болезням совести...

Сейчас нередко можно слышать такое: пришла пора отдавать право решающего голоса разуму, а эмоции имеют голос в лучшем случае совещательный. Когда приходится вдруг решать, сказать ли нелицеприятное слово начальнику, поставить ли для «проталкивания» под своей работой имя шефа, поступить ли принципами — надо, дескать, слушаться разума, эмоции давайте оставим неудачникам. Но я не раз наблюдал парадокс: весьма рациональный карьеризм, казалось бы, лишенный эмоций, порождает именно эмоции — чувство недоверия, страх перед соперником. Человек перестает верить людям, в каждом видит врага, опасаясь предательства, предает сам, боясь творческого соревнования, стремится «обезвредить» конкурентов.

У карьеризма немало форм, путей и методов. Некоторые из этих форм, на первый взгляд, по-житейски рациональны, искренни и кажутся подчас даже благородными. Но приводят в конце концов к самому жестокому эгоизму. Так случилось с Шуркой Ведерниковым, героем моих «Годов странствий». Человек занят очень важной и нужной людям работой, это поиск нового, высокоэффективного лекарства. Человек трудится истопленно, обрекает себя на подлинно адов труд, остается один в эвакуированном институте, словно схимник, в одиночку ищет истину. Ему предлагают помощь, могут дать

Вроде бы достиг того, о чем мечтал, к чему стремился. Но можно ли считать это за успех? Ведь думал человек о большем, а успокоился на малом, и потому это — преступление перед собой, а значит, и перед обществом. Помните какое выражение: «Он так много обещал!..» Обещал-то себе, а предполагается — всему обществу! Человек добрался до цели, вот она — ступень, на которую он мечтал взойти. Но она — как смотревая площадка, откуда видны новые вершины. А ему, оказывается, больше и желать нечего, теперь бы только потрещать! По-моему, это духовная смерть, потому что нельзя останавливаться: ты столько обещал, ты должен себе, людям, сегодня ты должен быть лучше, чем вчера, завтра лучше, чем сегодня. Вот источник истинной духовной радости.

— Доступен ли этот источник всем или это удел избранных?

— Больше всего в человеке я ценю честолюбие. Не честолюбивы, наверное, только маралы в зоопарке. Человек должен вести с собой постоянный диалог, говорить себе: я не такой, каким хотел и мог бы быть, это необходимое качество. По-моему, честолюбие в хорошем смысле слова порождает одержимость, развивая талант.

Я видел много разных людей. Писал «Дальнюю дорогу» и узнал совершенно одержимых строителей московского метро. В Сибири на строительстве ГЭС я видел молодых ребят — подлинных бойцов. Эти люди отвоевывали каждый метр

земли, сворачивали руслу рек. Да, они добивались победы, становились известными. Но в первую очередь они побеждали самих себя, идя по трудной дороге вверх. Потому что каждая новая победа открывает путь к новому бою.

Способность самоусовершенствования, наверное, заложена в человеке с самого рождения. Генералы начинали солдатами и стали генералами потому, что плох тот солдат, который не хочет стать генералом. По-моему, это скверно, когда человек привывает к однообразию своего дела, довольствуется «ровностью» дней: я, дескать, счетовод, аккуратен, профессионально грамотен, прихожу и ухожу вовремя — чего же еще? Не подумайте, что я призываю здесь счетовода бросить свои силы

для получения высокого поста министра финансов, но ведь я знаю, что человек в глубине души мучается от этой ровности, от однообразия, при этом чем одареннее человек, тем отчаяннее он мучается. И вот новый парадокс: карьеризм иногда превращается в бег... от профессии.

Недавним летом в Прибалтике мне встретился совершенно дивный сад. Не буду говорить о количестве деревьев — лучше о качестве. Это был «зверинец» деревьев — декоративных и плодоносных — удивительное собрание! Я заинтересовался, кто же его создал. Им оказался бухгалтер пароходства, хороший, как мне сказали, бухгалтер, «добротный». Но после своей добротной работы он летел в свой сад, трудился в нем вдохновенно, не зная усталости, и здесь, в саду, он выражал себя во сто крат полнее, ярче, чем за счетами, это были те самые заветные 2,28, и я верю, что эта планка над головой не имеет для него предела высоты. Вот и скажите мне: разве этот сад не то же честолюбивое стремление вверх, желание сделать что-то необычное, но при этом, заметьте, и нужное людям — в той области, где человек наиболее полно может себя выразить!

А теперь подведем черту. Да, я за тех людей, которые неустанно стремятся вверх, движимые желанием полнее раскрыть себя, чтобы принести как можно больше пользы. За такое стремление к карьере поднимаю обе руки. Знаете, бывают в жизни каждого из нас дни, когда почти физически чувствуешь, на что ты способен. В такие дни ты словно видишь ту высоту, которая может стать твоей. И тогда ты начинаешь разбег для высокого, достойного прыжка. Прыжка почти недостижимой для тебя высоты.

Беседу вел Л. ГЕРЧИКОВ.